

Отзывы о произведениях Геннадия Машкина «Синее море, белый пароход» и «Родительский день» (12+)

Рецензии на прочитанные книги из библиотеки [«Кузнецкая»](#).

Автор рецензий: З. Кривоусова,

февраль 2024 г.

Эти произведения сибирского писателя **Геннадия Машкина** написаны и опубликованы в советское время. Повесть **«Синее море, белый пароход»** впервые вышла в журнале «Юность» в 1965 году, а время работы над повестью **«Родительский день»** автор датировал 1980–1981 годами.

Я впервые прочитала обе в конце 1980-х, когда писала кандидатскую диссертацию. И вот совсем недавно перечитала в другом издании, под одной обложкой **«Родительский день»**. **«Синее море, белый пароход»**: Повести (М.: Дет. лит., 1987; **Рис. А. Веркау**), и поняла, что эта добротная проза, ничуть не устарела за прошедшие десятилетия. Произведения расположены в книге не по датам создания и публикации, а по хронологии описываемых в них событий. Это, вероятно, оправдано возрастным адресом: **для среднего и старшего возраста**. В таком порядке я и напишу о них.

Сразу же замечу, что **первая повесть вряд ли будет интересна подросткам, разве что старшеклассникам с большим читательским багажом. А вот взрослые, я думаю, прочтут ее с удовольствием.**

Что касается второй, то она, на мой взгляд, понравится **и подросткам, и старшеклассникам, и взрослым.**

«Родительский день» – повесть о бабушке, своего рода поминание, благодарная дань памяти. Формально события укладываются в один день, обозначенный в заглавии. Взрослый герой, Тимофей, в родительский день, не сумев уговорить брата и сестру, один отправляется на кладбище, на могилку бабушки. Но этот день вмещает в себя всю жизнь Ангелины Федоровны Кротовой. Главными в книге и

являются воспоминания о бабушке, о ее роли в воспитании внуков, о ее месте в их детстве, выпавшем на годы перед Великой Отечественной войной и военное время. Именно бабушка героя, ее трудная судьба, ее характер – ведущая тема.

Интересна субъектная организация произведения: повествование от первого лица (настоящее время) перемежается с безличным (детство героя), причем по мере погружения в воспоминания безличное возвращается к перволичному. Этот переход связан и с появлением на кладбище младших брата и сестры Тимофея (Тимки), сначала из-за занятости отказавшихся приехать туда. С этого момента воспоминания героя продолжают уже как его рассказ Демьяну и Ксении воспитавшей их бабушке, которую они помнят не так хорошо, как старший брат.

Воспоминания героя заканчивается возвращением отца с фронта после Победы. Если до этой сцены повесть близка по тональности, по настроению «Последнему поклону» Виктора Астафьева, то этот эпизод напоминает рассказ Андрея Платонова «Возвращение» и похожую ситуацию в начале повести Евгения Дубровина «В ожидании козы».

Конец произведения – свидетельство прочности духовного фундамента, заложенного бабушкой в характеры внуков: «Сговорившись поехать сейчас же к родителям, мы знали, что наши старики на семейном сходе опять будут убеждать нас, как когда-то бабушка, жить друг с другом в ладу, стоять сообща против жизненных неурядиц и растить внучат в добром здравии.

Что ж, сегодня мы будем слушать наших родителей» [с. 114].

Вторая повесть – «Синее море, белый пароход», – судя по послевоенному времени действия и составу семьи главного героя (вернувшийся с войны отец, мать, бабушка, младший брат), связана с первой, несмотря на то, что у всех этих персонажей другие имена. Это, конечно, не диалогия, но, возможно, диптих, на что указывают так же возраст рассказчика и сходная субъектная организация (перволичное повествование).

В этой повести сильнее звучит лирический мотив, заявленный уже в заглавии. Глубже, откровеннее проявляется и драматическое начало: спасение едва не потонувшей Сумико, пожар у соседей, погоня за подозреваемыми в поджоге

японцами, шторм на обратном пути, стоивший жизни Семену, спасение Кимурой Юрика.

Читатель проживает все события вместе с героем, впечатлительным подростком, наблюдательность которого подчеркнута тягой к рисованию. Внимание и любовь к больному туберкулезом младшему брату Юрику (именно ему Гера обещает чудесный белый пароход); перерастающее в дружбу знакомство с японцами, братом и сестрой Ивао и Сумико. Взросление, вызванное сменой привычного жизненного уклада и первой любовью. Невольное участие в сложных отношениях взрослых: родителей друг с другом и с бабушкой, а также с соотечественниками и японцами. Все это не только серьезно влияет на первоначальные представления героя о новом месте жительства и о жителях Сахалина, но и в корне изменяет предварительный план мести японцам.

Понимание драматичности судеб японцев, вынужденных уезжать с обжитого места, приятие позиции другого: человека, народа, нации, – оборачивается желанием мира для всех, победителей и побежденных. Автор не тешит читателя иллюзиями. «Запад есть Запад, Восток есть Восток <...> и вместе им никогда не быть!» [с. 236] – таков ответ Кимуры, дяди Ивао и Сумико, на предложение Геркиного отца при прощании поженить в будущем Герасима и Сумико.

Вместе с тем, писатель не лишает читателей надежды на возможную встречу героев в будущем. Мысленное обращение Геры к Сумико в финале произведения именно о задуманной картине: «Я тебя верну, Сумико... У меня хорошая память. Я вижу твои глаза, слышу твое дыхание, чувствую горячие пальцы. Мы все равно должны быть вместе. Все: я, ты, Ивао, Юрик, Борька, Скулопендра, Лесик. Может, ребята потеряли уже меня. Ждали-ждали письма от меня, и ждать перестали. Но я все равно напишу им. Все объясню... Мы не можем забыть друг друга. Только планы старые забудем... Я предложу другие планы. Надо стараться делать так, чтобы чувствовать, будто мы плывем на одном пароходе, белом пароходе «Оранжед...» [с. 239].

Этот мотив (обещание нарисовать для Сумико картину, где «будет море и два человека, Семен и ты, Сумико. <...> Я тебя по памяти нарисую. Память у меня хорошая» [с. 238].) сливается в конце произведения с другим – ненаписанным письмом друзьям, оставшимся в предместье Хабаровска; герой помнит о своем обещании. Письмо не написано потому, что увиденное и пережитое на новом месте оказалось не столь однозначным, более сложным. В конце повести, ее предпоследнем абзаце, оба намерения – написать письмо с объяснением, почему не сделал этого раньше, и нарисовать картину – сливаются в одно. По сути, сама повесть и является таким письмом.